

ОБ ОДНОМ НЕПРИГЛЯДНОМ СОБЫТИИ В ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ. ОЧЕРЕДНАЯ СЕССИЯ ВАСХНИЛ 1948 г.

И. Д. ВОЛОТОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Институт биофизики и клеточной инженерии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Академическая, 27, 220072, г. Минск, Беларусь

Описана ситуация, сложившаяся в советской генетике в предвоенные и послевоенные годы. Рассмотрены исторические предпосылки проведения сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина 1948 г., посвященной ситуации в биологической науке. Обсуждаются последствия решений сессии для развития советской генетики.

Ключевые слова: генетика; гены; агробиология; Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина; сессия 1948 г. о положении в биологической науке.

ON ONE UNSIGHTLY PAGE IN SOVIET SCIENCE HISTORY. A REGULAR SESSION OF ALL-UNION LENIN ACADEMY OF AGRICULTURE SCIENCES OF 1948

I. D. VOLOTOVSKI^a

^aInstitute of Biophysics and Cell Engineering, National Academy of Sciences of Belarus,
27 Akademichnaja Street, Minsk 220072, Belarus

The situation in Soviet genetics in prewar and postwar years is described. The data on historical prerequisites, organization, and holding of this session are given. The consequences of session decision for development of Soviet genetics is discussed.

Key words: genetics; genes; agrobiology; agriculture; session for position in genetics 1948; All-Union Lenin Academy of Agriculture Sciences.

Мы являемся свидетелями бурного развития молекулярной биологии и молекулярной генетики. Чуть ли не каждый год происходит новое открытие, новый прорыв. Только перечислить лауреатов Нобелевской премии, номинированных за последние 20 лет за достижения именно в этих двух областях биологической науки, непросто. Их десятки. А какие возможности получили исследователи благодаря этим достижениям? Множество самых

разнообразных методических приемов, революционизирующих научный поиск. Например, сегодня можно оперировать исчезающе малым количеством генетического материала и получать достоверные данные о его составе, строении и функции отдельных его компонентов. И это все благодаря методам амплификации, использованию многочисленных вариантов ПЦР-анализа, благодаря возможности установить точную структуру отдельных

Образец цитирования:

Волотовский И.Д. Об одном неприглядном событии в истории советской науки. Очередная сессия ВАСХНИЛ 1948 г. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:75–81.

For citation:

Volotovskii ID. On one unsightly page in Soviet science history. A regular session of All-Union Lenin Academy of Agriculture Sciences of 1948. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:75–81. Russian.

Автор:

Игорь Дмитриевич Волотовский – академик Национальной академии наук Беларуси, доктор биологических наук, профессор; заведующий лабораторией молекулярной биологии клетки.

Author:

Igor D. Volotovskii, academician of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (biology), full professor; head of the laboratory molecular biology of cell. volotovskii@yahoo.com

генов и даже секвенировать полноразмерный геном различных организмов, т. е. установить последовательность нуклеиновых оснований в цепях ДНК и РНК, определить состояние отдельных генов на данный момент, их уровень экспрессии и ее зависимость от действия самых разных внутренних и внешних факторов. Но самое главное – даже не сама возможность анализировать генетический аппарат, а существование эффективных методических приемов, с помощью которых можно внедряться в строение геномов и отдельных генов, т. е. их редактировать: удалять из геномов отдельные гены или даже участки генома, вставлять в геномы новые, не присущие им гены, корректировать структуру генов, если они мутированы, содержат ошибки. Об этом можно говорить и писать много. Молекулярная генетика проникла в самые разные направления биологической науки, причем даже в такие, которые всегда рассматривались как описательные, например в ботанику или зоологию.

Читатель может спросить: к чему такое вступление? Ведь статья посвящена не современной генетике, а 70-летию очередной сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), на которой было рассмотрено положение в советской биологической науке и которая проходила с 31 июля по 7 августа 1948 г. в Москве. Однако эта сессия стала действительно неприглядным событием в истории советской науки, которое на несколько лет остановило развитие генетики в СССР.

Что же послужило причиной вынесения на рассмотрение сессии вопроса о положении в советской биологической науке? Причина, казалось бы, достаточно простая и очевидная. Совсем недавно завершилась Великая Отечественная война, советский народ в ней победил. Началось мирное строительство, одним из важных направлений которого было сельское хозяйство. Проблема продовольственной безопасности страны после коллективизации сельского хозяйства в начале 1930-х гг. была более или менее решена. Но его эффективность оставляла желать лучшего. Урожайность на полях была низкой, оставалась высокой потребность в новых урожайных сортах сельскохозяйственных культур, требовались новые агротехнические приемы их возделывания. Поэтому внешне вполне естественным представляется решение руководства страны обратиться к советским ученым-биологам и аграриям, поставить перед ними амбициозные задачи. Тем более что прецеденты подобного рода уже были. Все мы знаем, какая цель ставилась перед советскими физиками: решить проблему атомной бомбы. К атомному проекту были привлечены все имеющиеся в стране кадровые ресурсы. Работы велись в течение всей войны, и эта задача была успешно

решена. Страна получила в свое распоряжение оружие массового поражения, которое предопределило ход мировой истории на многие десятилетия вперед.

Биологическая наука занимает ключевое место в системе знаний о жизни на Земле, функционировании микробных, растительных и животных организмов, включая человека. Конечно, обсуждение дел в стране по данному важному вопросу представлялось чрезвычайно актуальным и своевременным. Для этого на первый взгляд и была созвана очередная сессия ВАСХНИЛ. В организации сессии были задействованы министерства земледелия, зерновых и животноводческих совхозов и животноводства, отдел науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б). В сессии ВАСХНИЛ приняли участие около 700 человек, из них 47 академиков АН СССР и ВАСХНИЛ, ответственные работники ряда министерств СССР, Госплана СССР, заведующие кафедрами и профессора вузов биологического и сельскохозяйственного профилей (в том числе МГУ имени М. В. Ломоносова и Ленинградского университета), агрономы, зоотехники и экономисты.

Сессия заслушала доклад президента ВАСХНИЛ академика Т. Д. Лысенко «О положении в биологической науке». В прениях выступили 50 участников заседания. Сессия приняла к сведению заявления трех участников, утвердила постановление и направила приветственное письмо в адрес И. В. Сталина.

Однако вместо обстоятельного обсуждения вопросов, стоящих перед биологической наукой и сельскохозяйственным производством, которые были призваны определить и обеспечить продовольственную безопасность страны, сессия вылилась в ожесточенную схватку сторонников двух научных представлений: мичуринской генетики и так называемого вейсманизма-морганизма, «реакционного» и «лженаучного» направления западной биологии. Победили первые, к сессии с тех пор приклеилось нарицательное название «разгром отечественной генетики». На самом деле возобладали представления, имеющие мало общего с реальной наукой, победила не наука, а административный и партийный ресурсы, во главу угла были поставлены политические моменты, определяющие существование и функционирование всех духовных сфер человеческой деятельности.

Все это кажется довольно странным, потому что к тому времени были получены результаты в области генетики, которые сейчас представляются настолько очевидными, что не вызывают сомнения даже у школьников старших классов. Однако тогда все было иначе. Действительно, правда видна на расстоянии. Так, сформулированные Грегором Менделем еще в 1868 г. законы наследственности уже в XX в. были проанализированы и осмыслены,

что однозначно указывало на наличие дискретных элементарных единиц наследственного материала (генов), установлена их способность к спонтанному и индуцированному мутагенезу, их внутренняя сложность и локализация в хромосомах. Сначала Гриффитсом (в 1928 г.), а затем Эйвори, Маклеодом и Мак-Картни (в 1944 г.) была показана ключевая роль ДНК как носителя наследственной информации. Многое стало понятным из работ Макса Дельбрюка и Сальвадора Лурье, которые занимались в 1930-х гг. изучением репродукции фагов и вирусов, являющихся комплексами нуклеиновых кислот и белков. В 1940 г. Бидл и Татум сформулировали тезис «один ген – один белок», просуществовавший как незыблемая формула вплоть до полной расшифровки генома человека. В 1948 г. Мак-Клинток обнаружила явление транспозиции и мобильные генетические элементы. Правда, на тот момент физико-химическая сущность генов еще не была установлена. Указанная информация большинством участников сессии ВАСХНИЛ, как оказалось, к вниманию не принималась, вместо этого они набросились с уничтожающей критикой на так называемую зародышевую плазму, существование которой они оспаривали.

Ознакомившись только с материалами очередной сессии ВАСХНИЛ, можно было бы подумать, что данное событие возникло на пустом месте и вылилось в «чисто» научную дискуссию по актуальным научным вопросам, но это далеко не так. Эта дискуссия имела свою непростую предысторию, включающую существование различных течений в среде советской науки и базирующуюся на сложившейся в послевоенные годы политической системе в стране и ее подходах к решению самых разных аспектов жизни советского общества.

Кстати, послевоенное десятилетие характеризовалось ростом престижа научной и научно-преподавательской работы в СССР – стране, понесшей в годы войны тяжелые потери. В этот период, например, соотношение зарплаты доцента, кандидата наук и квалифицированного рабочего составляло примерно 4 : 1, а профессора, доктора наук – 7 : 1. Такого уровня оплаты труда советские ученые и преподаватели УВО больше в стране не имели никогда. В значительной мере благодаря этому обстоятельству была создана научная инфраструктура, на то время не уступавшая западной, включая американскую. Сетью фундаментальных и прикладных научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и вузовских лабораторий был охвачен широкий фронт исследований. Эта система позволила СССР выйти в научные лидеры мира, особенно в тех областях, которые находились под контролем оборонной промышленности, в первую очередь связанных с созданием атомного оружия.

В то же время в духовной жизни произошли знаковые события. Началась холодная война. Вместо сотрудничества между бывшими союзниками в борьбе с фашистской Германией возникла конфронтация. Летом 1946 г. в стране началось наступление на интеллектуальные проявления, в которых обнаруживались «заграничное влияние», «западное упадничество», «искусство для искусства» и т. д. Так, 14 августа 1946 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». В этом постановлении, как и в докладе секретаря ЦК А. А. Жданова, произнесенном на собрании членов Союза писателей СССР, редакции ряда ленинградских журналов обвинялись в безыдейности. Жданов критиковал творчество поэтессы А. А. Ахматовой и писателя-сатирика М. М. Зощенко. Декларировалось, что журналы в СССР «не частные предприятия», они не имеют права приспосабливаться к вкусам людей, «которые не хотят признавать наш строй». Вскоре Зощенко и Ахматову исключили из Союза писателей СССР, а журналы, публиковавшие их произведения, были наказаны: редакция журнала «Звезда» получила выговор, а журнал «Ленинград» закрыли.

Затем взялись за театры и кино: 26 августа 1946 г. вышло новое постановление ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров», где критиковался репертуар за переполнение «низкопробной и пошлой зарубежной драматургией» и «уродливо-карикатурное изображение советских людей». Через неделю, 4 сентября 1946 г., в постановлении ЦК партии были подвергнуты жестокой критике ведущие кинорежиссеры страны С. М. Эйзенштейн и Л. Д. Луков, а 24 июня 1947 г. секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов провел совещание философов, на котором была осуждена работа Г. Ф. Александрова «История западной философии», руководившего до этого Агитпропом и ставшего в 1946 г. лауреатом Сталинской премии.

Несколько месяцев спустя объектом критики оказалась музыка – сфера, на которую раньше не обращали особого внимания. Предлогом послужило исполнение в декабре 1947 г. трех произведений, написанных композиторами к тридцатилетию Октябрьской революции: Шестой симфонии С. С. Прокофьева, «Поэмы» А. И. Хачатуряна и оперы В. И. Мурадели «Великая дружба», а 10 февраля 1948 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О декадентских тенденциях в советской музыке», осуждавшее оперу Мурадели. Не менее острой критике подверглись композиторы, «придерживающиеся формалистических, антинародных направлений» (к ним причислялись Прокофьев, Шостакович, Хачатурян, Мясковский). Следствием постановлений стала «чистка» Союза композиторов СССР. В течение всего 1948 г. ряд деятелей искусства были исключены из творческих союзов.

Идеологические постановления по вопросам культуры и искусства были направлены на повышение идейности произведений литературы, кино и музыки. Под идейностью понималось осуждение западной культуры и прославление существующего в СССР политического строя, утверждение советского образа жизни, патриотизма и единомыслия.

Однако рассмотрение на государственном и партийном уровне вопросов литературы, музыки, философии, других областей духовной жизни советского общества не имело таких катастрофических последствий, как сессия ВАСХНИЛ 1948 г. По сути, сессия провозгласила в стране с богатейшими научными традициями официальный запрет на исследования в области структурно-функциональной организации наследственного материала и законов наследования.

Конечно, очередная сессия ВАСХНИЛ 1948 г. прошла на общем фоне борьбы с западным влиянием. Но в случае с генетикой эта борьба возникла не на пустом месте. Еще в 1930-х гг. сложилось противостояние в генетической науке между двумя группами ее представителей. С одной стороны в нем участвовали Н. И. Вавилов, Н. К. Кольцов и их ученики и последователи, они стояли на позициях современной генетики, исповедовали представления, получившие признание во многих лабораториях за рубежом. С другой стороны сгруппировались исследователи, стоявшие на позициях Т. Д. Лысенко, который пропагандировал необычные представления о тесной связи между окружающей средой и наследственностью организмов, что могло выражаться, по его мнению, даже в превращении одного вида растения в другой. Он полагал, что внешние условия могут в корне изменить алгоритм функционирования наследственной системы. Его взгляды на биологическое развитие нашли свое отражение в достаточно неопределенной по своему содержанию доктрине, согласно которой к факторам окружающей среды, влияющим на наследственность, относятся солнечный свет, температура и влажность воздуха, а также химические элементы, содержащиеся в почве или органических удобрениях, различного рода газы, присутствующие в атмосфере. Свои заключения Лысенко сделал, опираясь главным образом на свои работы конца 1920-х – начала 1930-х гг., посвященные изучению влияния температурного эффекта на рост и развитие растений. Он пришел к выводу, согласно которому отношения между организмом и окружающей средой могут быть разделены на фазы, или стадии, в которых потребности организма значительно различаются. Иными словами, растительные организмы формируются и функционируют в соответствии с разработанной им «теорией фазового развития растений». Термин «яровизация» получил широкую известность в СССР в довоенные

годы. В 1930–1936 гг. Лысенко опубликовал множество газетных статей и брошюр, уточняющих метод яровизации, применяемый тогда к семенам хлопчатника, ржи, проса, сахарной свеклы, сои, картофеля, вики и различных других зерновых, клубневых и плодовых растений. Предпосевная низкотемпературная обработка посевного материала (яровизация), как полагал Лысенко, должна приводить к значительному увеличению урожайности сельскохозяйственных структур. В 1935 г. Лысенко объявил, что яровизацией только хлебных злаков в Советском Союзе было охвачено 40 тыс. колхозов и совхозов, чьи земли располагались на площади 2 млн 100 тыс. га. В феврале 1935 г. Лысенко выступил на втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников с речью, призывая широкие крестьянские массы к участию в кампании по проведению яровизации как противостоянию кулачеству. Речь точно соответствовала текущей политической ситуации.

Как видим, спор вокруг яровизации превратился с подачи Лысенко в борьбу пролетарской науки с мнимыми «классовыми врагами». Это был точно рассчитанный ход с помощью идеологических построений запугать и в конечном счете истребить научных противников. Сейчас мы прекрасно понимаем, что данная тактика на много лет задержала выяснение истинного положения в разрабатываемой проблеме.

Газета «Правда» 15 февраля 1935 г., а затем и другие издания напечатали подробное изложение речи Т. Д. Лысенко на съезде колхозников, опубликовали его портрет, привели слова И. В. Сталина, которому эта речь очень понравилась.

В декабре 1936 г. состоялось совещание, в центре которого находился вопрос о том, что Лысенко называл двумя направлениями в генетике. Стенограмма этого совещания по спорным вопросам генетики и селекции является одним из самых интересных исторических источников для изучения истории деятельности Лысенко, образцом пролысенковской пропаганды [1].

В опубликованной совместно с И. И. Презентом работе «Селекция и теория стадийного развития растений» (1935) Лысенко перешел от яровизации к вопросам общей теории наследственности. Он утверждал, что «при яровизации посевного материала или растений идет нарастание изменений. Эти изменения сохраняются в тех клетках, в которых они произошли, а также передаются всем вновь образующимся из них клеткам» (цит. по [2, с. 153]).

Наследственность Лысенко понимал как «свойство живого тела требовать определенных условий для своей жизни, своего развития и определенно реагировать на те или иные условия» (цит. по [2, с. 154]). По мнению Лысенко, наследственные факторы являются ассимилированными внешни-

ми условиями. Он писал: «...мы отрицаем то, что генетики вместе с цитологами увидят под микроскопом ген. Наследственная основа не является каким-то особым от тела, саморазмножающимся веществом, наследственной основой является клетка» (цит. по [2, с. 153]). Классическая генетика представляла ген как дискретную единицу материала наследственности, Т. Д. Лысенко – как результат взаимодействия генетического материала с факторами окружающей среды, т. е. как признак.

В те времена действительно нельзя было увидеть ген и его работу в микроскоп, в отличие от 1970-х гг., когда уже появились возможности прямо наблюдать процессы транскрипции и трансляции, и 1980-х гг., когда ученые могли проводить манипуляции с генами. Классические генетики исследовали материал наследственности в микро- и нанометровом масштабе, а Т. Д. Лысенко – даже не на клеточном уровне, а в масштабе многоклеточного организма.

Потенциально трагические для нашей науки столкновения генетических кланов были прерваны войной. Теоретические споры на время забылись. Но Т. Д. Лысенко возобновил их сразу после войны публикацией статьи об отсутствии в природе так называемой внутривидовой конкуренции. Лысенко начал наступление на основы дарвинизма. Ему удалось привлечь на свою сторону центральную печать – газеты «Правда», «Социалистическое земледелие» и «Литературная газета». В статьях, опубликованных в этих изданиях, были подвергнуты резкой критике А. Р. Жебрак и Н. П. Дубинин, которых обвинили в антипатриотизме, низкопоклонстве перед Западом.

В конце 1944 – начале 1945 г. А. Р. Жебрак написал большое письмо Г. М. Маленкову, пытаясь убедить секретаря ЦК в необходимости нормализовать обстановку в генетике, восстановить генетико-цитологические исследования в ВАСХНИЛ, изменить руководство Института генетики АН СССР, возглавляемого Т. Д. Лысенко, командировать советских генетиков в США и Англию для обмена опытом и ознакомления с успехами генетики в области теоретических проблем и ее приложений к сельскому хозяйству.

Позже, 16 апреля 1945 г., А. Р. Жебрак был на приеме у В. М. Молотова и информировал его о положении генетики и ее большом значении для развития культуры и производительных сил страны. Намечались некоторые изменения. В сентябре 1945 г. А. Р. Жебрак был привлечен к работе в аппарате ЦК партии, сохраняя руководство кафедрой в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. В должности заведующего отделом управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) он проработал до апреля 1946 г., после чего вновь вернулся к преподавательской деятельности.

Ситуация в науке не могла не встревожить Т. Д. Лысенко и его могущественных покровителей. Министр земледелия И. А. Бенедиктов, министр зерновых и животноводческих совхозов П. П. Лобанов, министр животноводства А. И. Козлов обратились в ЦК ВКП(б) с письмом, в котором обрушились на участников и организаторов 2-й генетической конференции, состоявшейся 21–26 марта 1947 г. и являвшейся одной из многих научных конференций, проводимых на факультетах МГУ имени М. В. Ломоносова. Она была организована кафедрой генетики, которой заведовал член-корреспондент АН СССР А. С. Серебровский. В работе конференции приняли участие крупные советские ученые-генетики: академик Цицин, действительный член АН БССР Жебрак, член-корреспондент АН СССР Дубинин, профессор Навашин, профессор Глембоцкий и многие другие.

Товарищи Бенедиктов, Лобанов и Козлов обвинили конференцию в отрыве от практических задач на том основании, что ряд докладов был посвящен использованию наследственности плодовой мушки дрозофилы.

Практические доклады конференции были посвящены вопросам селекции, породообразования, выяснению роли среды и экологических факторов в повышении продуктивности животноводства и урожайности растений. Многие докладчики дали ценные практические предложения.

На заседании организационного бюро ЦК ВКП(б) 16 апреля 1947 г. выносился вопрос о положении в ВАСХНИЛ. Был подготовлен специальный доклад, адресованный секретарям ЦК ВКП(б) А. А. Жданову, А. А. Кузнецову и Г. М. Попову, в котором говорилось: «Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина значительно отстает в своей работе от требований и запросов, предъявляемых к ней сельским хозяйством... Академия замкнулась в узком кругу агробиологических проблем, связанных с исследованиями ее президента академика Т. Д. Лысенко, в связи с чем перестала быть... “высшим научным учреждением по сельскому хозяйству в СССР”. Ограниченный круг научных проблем, разрабатываемых в академии, а также разногласия среди ее действительных членов привели к тому, что большинство из них фактически прекратило работу в академии (академики: Брицке, Прянишников, Скрябин, Завадовский, Серебровский, Соколовский, Лисицын и др.). Многие институты академии возглавляются малоизвестными в науке работниками, не имеющими ученой степени и звания. Попытки некоторых руководителей секций заменить непригодных сотрудников более квалифицированными и знающими дело специалистами сельского хозяйства не встречают поддержки со стороны президента академии академика Т. Д. Лысенко. Считаем, что создав-

шаяся в Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина обстановка не способствует решению важнейших вопросов подъема сельскохозяйственной науки» (цит. по [2, с. 161]).

Все это свидетельствовало о том, что к концу 1947 г. политические позиции Лысенко были слабее, нежели до войны. Сын А. А. Жданова Ю. А. Жданов, возглавлявший отдел науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б), неоднократно выступал против Лысенко. Аналогичную позицию занимали и другие ведущие ученые страны, химики и физики, бывшие на хорошем счету в партийных верхах. И здесь Т. Д. Лысенко обратился с письмом к И. В. Сталину. В этом пространном письме он много говорит о своих работах и тех препятствиях, которые стоят на пути распространения, внедрения в практику их результатов. Наконец, Т. Д. Лысенко пишет, что «менделизм-морганизм, вейсманистский неodarвинизм... разрабатывается в западных капиталистических странах не для целей сельского хозяйства, а для реакционных целей евгеники, расизма и т. п. Никакой связи между сельскохозяйственной практикой и теорией буржуазной генетики там нет» (цит. по [2, с. 163]). Настаивая на административных мерах, Т. Д. Лысенко утверждал: «Если мичуринские теоретические установки, которых мы придерживаемся и на основе колхозно-совхозной практики развиваем, в своей основе правильны, то назрела необходимость нашим руководящим органам образования и сельского хозяйства сказать свое веское слово, внести резкий перелом в дело воспитания наших кадров биологов, агрономов и животноводов. Метафизическое учение о живых телах – морганизм-менделизм, вейсманистский неodarвинизм – преподается во всех вузах, мичуринское же учение – советский дарвинизм – почти нигде не преподается. Прошу Вас, товарищ Сталин, помочь этому хорошему; нужному для нашего сельского хозяйства делу» (цит. по [2, с. 164]). Знал Т. Д. Лысенко, какие струны нужно затронуть, чтобы добиться своего. В ответ Сталин написал: «Что касается теоретических установок в биологии, то я считаю, что мичуринская установка является единственно научной установкой. Вейсманисты и их последователи, отрицающие наследственность приобретенных свойств, не заслуживают того, чтобы долго распространяться о них. Будущее принадлежит Мичурину» (цит. по [2, с. 164]).

Интенсивная организационная работа, различные постановления партийных органов, резолюции и поручения ответственным работникам партии и правительства завершились следующей вынужденной сентенцией Ю. А. Жданова, который в душе был противником Т. Д. Лысенко, глубоко понимал сущность науки и остро чувствовал, где научная истина, а где схоластика и псевдонаука: «Последователи менделизма-морганизма не раз предупреждались, что их направление в биоло-

гии чуждо советской науке и ведет к тупику. Тем не менее менделисты-морганисты не только не извлекали должных уроков из этих предупреждений, но продолжают отстаивать и углублять свои ошибочные взгляды. До последнего времени идеи менделизма-морганизма продолжают пропагандироваться в литературе и особенно в учебной и преподавательской в высших учебных заведениях, а в ряде вузов и институтов Академии наук СССР менделеевско-моргановское направление является господствующим на кафедрах генетики и биологии. Такое положение не может быть далее терпимо» (цит. по [2, с. 166]).

Вопрос о разгроме отечественной биологии был предreshен, но подготовка партийно-государственного акта велась в строжайшей тайне. Ученые еще не знали о подступившей трагедии. Они на тот момент не потеряли надежды. И писали свои письма Сталину, но никакой реакции сверху не было. Развязка готовилась втайне. Сталин уже не желал никого слушать. Лысенко 23 июля направил ему доклад «О положении в биологической науке». Доклад был одобрен и рекомендован к рассмотрению на очередной сессии ВАСХНИЛ.

Неожиданно для всех сессия ВАСХНИЛ открылась 31 июля 1948 г. В разгар каникул, экспедиций и отпусков внезапно начался очередной политический процесс – лысенковцы «судили» генетику и генетиков. С докладом «О положении в биологической науке» выступил Т. Д. Лысенко. По генетике – ключевой науке современного естествознания – был нанесен сильный удар. Единственно верными в биологии признавались взгляды Лысенко. Их называли мичуринским учением. Классическую генетику признали реакционным направлением в биологической науке. Лысенко назвал сессию ВАСХНИЛ, где он покончил со своими научными противниками, «великим праздником». В качестве основных лиц, против которых направлены выступления Лысенко и его сторонников, были выбраны морфолог и эволюционист И. И. Шмальгаузен и генетики Н. П. Дубинин и А. Р. Жебрак. В докладе говорилось, что менделизм-вейсманизм-морганизм чужд советскому народу, стороннику творческого прогрессивного мичуринского учения. Лысенковцы объявляли подход своих противников вредным еще и потому, что вместо изучения законов генетики на хозяйственно важных животных, например на коровах, эти ученые проводили свои исследования на совершенно никому не нужной мушке дрозофиле. В традициях пропаганды того времени Лысенко сформулировал в своем докладе емкий лозунг «Наука – враг случайностей» и поднял на щит высказывание И. В. Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее – наша задача». «Менделисты-морганисты-вейсманисты» обвинялись на сессии в том, что они «идеали-

стически и антидиалектически полагают, что за наследственность ответственны какие-то гены, которых никто не видел», а также что «гены расположены в каких-то хромосомах, которых, может быть, и нет вовсе, а если они и есть, то их функции – это участие в обмене веществ». А поскольку противники Лысенко «при этом утверждают, что хромосомы находятся в ядре, то и вовсе их вывод об особой роли ядерной наследственности реакционен, так как свойство наследственности принадлежит всем компонентам живого организма» (цит. по [2, с. 167]). Давление на классическую генетику было настолько сильным, что три человека – выдающийся ботаник из школы Н. И. Вавилова профессор П. М. Жуковский, генетик, доцент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова С. И. Алиханян и профессор И. М. Поляков – выступили с заявлениями об изменении своих взглядов и «переходе в ряды мичуринцев». После сессии на страницах газеты «Правда» покаялся и А. Р. Жебралов.

После сессии организационные выводы не ставили себя ждать. Произошли массивные кадровые изменения. Многие ученые лишились своих руководящих постов. Были пересмотрены и переработаны учебные планы и программы преподавания биологических наук, с тем чтобы обеспечить в вузах «правильное» и «всестороннее» освещение вопросов дарвинизма и мичуринского учения. Коснулись реформы и АН СССР: укрепили состав бюро отделения биологических наук и важнейшие участки биологических учреждений квалифицирован-

ными кадрами ученых-мичуринцев, пересмотрели план издания научных трудов академии в области биологии, укрепили составы редколлегий биологических журналов, пересмотрели планы подготовки аспирантов.

Августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. привела в действие серию подобных же разгромных для науки мероприятий по ее другим направлениям. В июне 1950 г. «отдел науки ЦК КПСС организует Павловскую сессию» (цит. по [2, с. 173]). Так назвали объединенную сессию двух академий, «большой» и медицинской, собранную для установления «порядка» в физиологии. Был определен и главный враг. Им оказался академик Орбели. После сессии – увольнение, изгнание из университетов и научных институтов, прекращение исследований по неортодоксальным направлениям.

Позже, 11 июня 1951 г., было проведено Всесоюзное совещание по состоянию теории химического строения в органической химии. Главные обвиняемые – Я. К. Сыркин и М. Е. Дяткина – были изгнаны из университета. На других совещаниях подверглись резкой критике кибернетика и статистика.

Что же можно сказать в заключение? Вся история, изложенная выше, имела трагические последствия для развития науки в СССР, прогресс советской науки был заблокирован на многие годы. К счастью, последствия этой неприглядной кампании удалось преодолеть, но не без потерь. Внеочередная сессия ВАСХНИЛ 1948 г. – позорная страница истории советской науки.

Библиографические ссылки

1. О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина. Москва: Государственное издательство сельскохозяйственной литературы; 1948. 536 с.
2. Баутин ВМ, Глазко ВИ. Сессия ВАСХНИЛ, август 1948 года. Уроки на будущее. *Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии*. 2008;3:149–175.

References

1. O polozhenii v biologicheskoi nauke. Stenograficheskii otchet sessii Vsesoyuznoi akademii sel'skokhozyaistvennykh nauk im. V. I. Lenina [On the Situation in Biological Science. Stenography Report of the Session of All-Union Lenin Academy of Agriculture Sciences]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo sel'skokhozyaistvennoi literatury; 1948. 536 p. Russian.
2. Bautin VM, Glazko VI. [Session of All-Union Lenin Academy of Agriculture Sciences, 1948 August. Lesson for the future]. *Izvestiya Timiryazevskoi sel'skokhozyaistvennoi akademii*. 2008;3:149–175. Russian.

Статья поступила в редколлегию 19.10.2018.
Received by editorial board 19.10.2018.